

ТРУДНО ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ

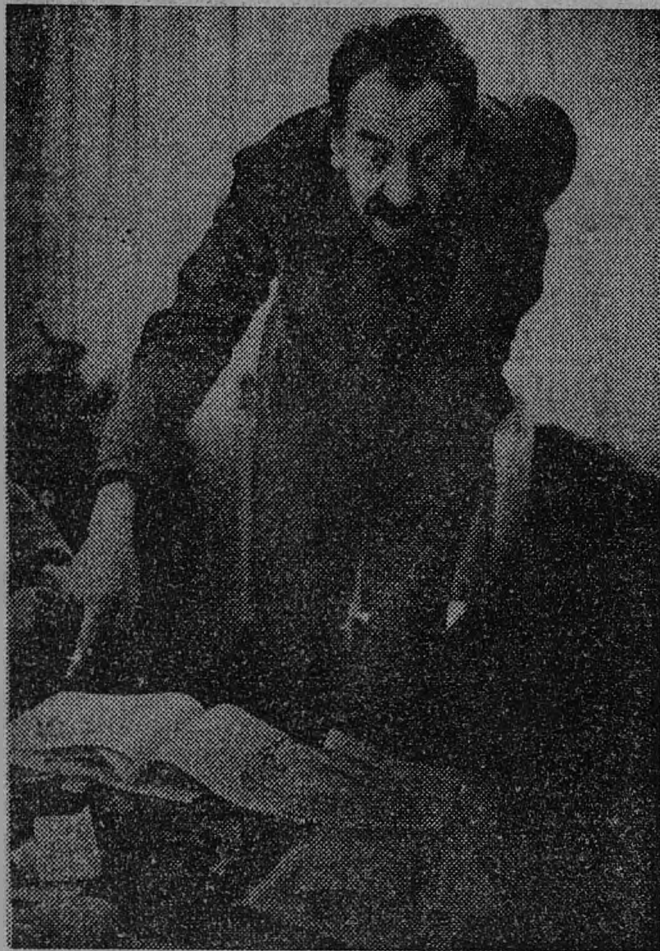

Фото Александра НИКОЛАЕВА

РЕКВИЕМ

После продолжительной болезни ушел из жизни известный петербургский кинорежиссер Виктор Аристов.

Последний свой недоснятый фильм он назвал «Остров дождей». Понятно, что история, которую хотел рассказать нам Аристов, выходила совсем особенная, великодушная, огромная, вписанная в еще более огромные пространства, которые окружают у Аристова любую историю. Вот эта огромность, в коконах которой вынашивает Аристов простые сюжеты своих картин, и есть, пожалуй, отличительная черта режиссера.

Вспомним хотя бы «Свояков» по Василию Шукшину. Кажется, куда мельче — приехали гости в Богом

забытый хуторок, родственники не нашли общих точек соприкосновения, ну и не заладилось. У Аристова же от этой крохотной истории крохотных людей наваливается такая тоска, будто бы миры не состыковались.

Какой-то такой свет лампы, какой-то цвет травы, звук, тень, жест... Да, Аристов максимально достоверен в отображении реальности. Но в аристовской нервной, напряженной достоверности сама реальность становится уже чем-то другим, уже скорее реальным фактом инобытия...

Никогда в жизни Аристов не говорил об этом мудро и никогда не говорил бы. Нет, пожалуй, другого художника такого масштаба личности и таланта, который был так готов остаться непонятым и благодарил за самую малую долю проникновения в свой художнический мир. Стоял большой, с разбойничьим своим лицом под копной непокорных волос на сцене Дома кино и чуть ли не умоляюще протягивал руку перед просмотром картины «Трудно первые сто лет» — он не мог, ну просто не мог, ну совсем не мог выбросить какую-то часть, и вторую часть тоже не мог выбросить, потому что они ему очень дороги, пусть зритель потерпит и простит...

Фильм «Трудно первые сто лет» накрывает зрителя с головой и влечет к головокружительным скольжениям по грани миров, с томительным привзлетом над землей, когда душа сладко замирает, не в силах разлюбить и отринуть уютную теплоту обжитого, но уже открываясь огромности бытия. В фильм погружаешься, как в сон. Кто же остается неподластен его завороченности, тот так и пребывает в убеждении, что речь в картине идет о деревенском быте, о неурядицах в семье и о чем-то еще очень банальном. В последнюю неделю прошедшего года фильм прошел по телевидению, и хотя ленты Аристова не для домашнего экрана — они требуют дистанции, масштаба полотно, уединенности в темноте зала, — «Трудно первые сто лет» опять заворочили, в особенности ранив картинками абсолютно бессмысленной, какой-то остервенелой траты коротенькой жизни героев на пороге небытия, которому в сущности человек и принадлежит, как бы он ни обольщался по поводу собственной земной значительности.

Никто и никогда не смог бы упрекнуть Аристова в том, что он не любил человека и всего, что человека окружает. Он способен был

признаться в любви даже к «нежному пузику дома», но человек у него — всегда скорее нота, мазок, миг в величественной игре миров.

Фильм «Порох» много лет пролежал на полке, потому что кому-то показалось, что красота сцен смерти в бою оскорбительна для ветеранов войны. Конечно же, речь в картине идет не о подвиге доблестных рядовых войны, а, как всегда у Аристова, об упоительной схватке человека и с жизнью, и со смертью одновременно, когда победа не лежит ни по одну, ни по другую сторону, а даруется именно что над схваткой.

Кто видел фильм «Порох», никогда не забудет не только ошеломляющего танца смерти, но и накрывающую героя морскую волну: не просто цвет, фактура, все физические ощущения, которые дает морской вал, — какая-то метафизическая сущность моря, особенная точность. Уже никогда больше, глядя на море, не сможешь не вспомнить эту аристовскую волну.

Три года Аристов пытался доснять свой последний фильм, на который не было средств. Он мотался по разным морям, сетуя, что совершенно невозможно эту разную воду разных морей монтировать в одно целое. Перед этой картиной он получил за фильм «Сатана» Серебряного медведя на Международном берлинском фестивале — первом и единственном для него. Держал этого медведя потом в руках, как бы прикидывая на вес: «И это — цена?».

Какая же цена успеха, если за нее Аристов не смог даже доснять свой последний фильм? Возможно, этот незавершенный фильм будет будить нас иногда ночами, будет наплывать разрывающей душу тоской в самые неожиданные моменты — как фильм-призрак, который, недовольно тившись до конца, обречен таким образом блуждать среди нас.

Ведь нам уже никогда не освободиться от того, что пятьдесят с небольшим из первых трудных стал лет Виктор Аристов разделил с нами.

И если Аристову не суждено прочесть рецензию на последний свой фильм, то, может быть, суждено ему сейчас пребывать на том великодушном острове в океане, куда он поместил своих последних героев: «Вы представляете, как все это выпукло, роскошно, мощно — какие закаты, какие восходы, какая любовь!» — восклицал он, блестя глазами.

Алена КРАВЦОВА